

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

П. П. Марченя

Партийные идеологемы в массовом
сознании «демократической»
России: власть и массы от Февраля
к Октябрю 1917 г.

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/March_part_id.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

УДК 94(47).084.2

МАРЧЕНЯ Павел Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Московского университета МВД России, доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Автор более 70 научных публикаций, в т.ч. одной монографии

ПАРТИЙНЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ» РОССИИ: ВЛАСТЬ И МАССЫ ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 ГОДА

В статье развенчивается миф о наличии демократической альтернативы большевизму. В центре внимания находится проблема взаимовлияния партий и масс. На основе сравнительного анализа партийных идеологем и традиционной имперской идеи России делается вывод об исторической преемственности большевизма. Массовое сознание рассматривается как доминанта политической истории и социокультурная основа победы большевиков в конкурсе исторических утопий от Февраля к Октябрю.

Революция, империя, партии, идеологемы, массы, массовое сознание

В рамках настоящей статьи делается попытка кратко обрисовать основные контуры опирающейся на значительный фактический материал теоретической модели, позволяющей за крайне противоречивым и разнородным политическим процессом Февраля–Октября 1917 года увидеть конкретную историческую логику, определившую сравнительную последовательность и единство глобального общероссийского сдвига: от бессилия оставшейся мифом демократии – к установлению ставшей реальностью диктатуры. В качестве фактической основы предлагаемой модели анализа взаимовлияния народных масс и отечественной многопартийности выбраны материалы, отражающие соперничество четырех наиболее значимых в этот период общероссийских партий – справа нале-

во: кадетов, меньшевиков, эсеров и большевиков. Социокультурное осмысление партийно-политических альтернатив либерализма, социал-демократии, неонародничества и большевизма и их преломления в массовом сознании позволяет приблизиться к целостному пониманию и объяснению исторического успеха партии большевиков и поражения других, первоначально более крупных и популярных партий. Использование данной исследовательской модели помогает рационально оценить научную состоятельность целого ряда все еще популярных историографических мифов. К ним, в частности, относятся представления о реально-фактической обоснованности таких теоретических конструкций, как существование установившейся в результате победы Февральской революции де-

мократии в России; историческая случайность большевистского «переворота»; конструктивность либерально-демократических идеологем правового государства, Учредительного Собрания и многопартийной системы в российском «гражданском обществе» 1917 года; пассивность и нигилистичность правового и политического сознания русского народа; наличие действительной связи между текстами партийных программ и успехом партий в массах.

При анализе истории так называемой «февральской демократии» (о которой, по нашему мнению, возможно говорить только «в кавычках») необходимо учитывать, что *Империя* есть не просто форма государства, отличная от иных форм лишь техническими особенностями устройства и правления¹. В основе исторического существования любой Империи лежит идея служения *Императиву* (императивам), объединяющему населяющие ее народы для достижения высших целей, во имя реализации Добра и противостояния Злу. Всякое государственное образование, претендующее на роль Империи, исходит из монополии на подлинную *Идею* (комплекс идей), предлагаемых населению в качестве истины, способной служить антиэнтропийным идеологическим фундаментом общества на данном этапе его истории. Одним из основных условий исторической стабильности империи является наличие укорененных в массовом сознании *идеологем* как смысловых нормативно-ценностных элементов идеологии (предписаний, предметов, символов, отсылающих к комплексу базовых идейных установок и мировоззренческих принципов, которыми должно руководствоваться государство и общество).

Весной 1917 года российское общество оказалось перед фактом – в Российской империи не стало императора. Официальное оформление традиционной «Русской Идеи» в качестве «Православно-Самодержавно-Народной» было девальвировано. Но новой, доступной массовому сознанию «Идеи», способной скрепить устои «демократической» государственности и консолидировать общество, пришедшие на смену самодержавию силы предложить не умели. На

сцену истории вышли массы, нуждавшиеся в организующей силе, способной внятно сформулировать их политически смутные требования и надежды. Массовое сознание, по мнению многих очевидцев и исследователей, фактически оказалось подлинной доминантой политической истории русской революции. К власти пришла «сама масса, душа которой всегда полнилась анархическими инстинктами»². «В условиях русской жизни 1917 года, при отсутствии вполне четко сложившейся и организованно построенной социальной базы государственной власти, заменить такую базу могли только “массы”, сознательно сплоченные демагогическими лозунгами: не определенный класс, а именно “массы”»³.

В ситуации системного кризиса империи политические силы, претендующие на власть (на место императора!), могли реализовать свой шанс, лишь не брезгуя стихийной поддержкой масс. Для этого необходимо было озаботиться внедрением в массовое сознание идеологем, которые, с одной стороны, смогли бы в достаточной степени выразить партийные установки, с другой – оказались бы созвучны чаяниям масс. Почему поначалу совершенно непопулярные и крайне немногочисленные большевики в итоге сумели стать партией победителей, а изначально куда более известные, образованные и уважаемые кадеты (а немногим позже и эсеры, и меньшевики) превратились во «врагов народа» и если не навсегда, то надолго сгинули из российской политической истории? Пожалуй, это самый важный и болезненно дискуссионный вопрос для всех историков Февраля–Октября 1917. Но, занимаясь теоретическим изучением программных документов партий «Февральской демократии» вне реального преломления партийных идеологем в массовом сознании той эпохи, вряд ли возможно дать на него ответ. Более того, ответа на этот вопрос в принципе невозможно найти на страницах партийных программ хотя бы потому, что абсолютное большинство населения их не читало – ни тогда, ни теперь.

Даже сами партийные деятели зачастую вовсе не интересовались текстами партийных

программ. А.Ф. Керенский признавался в своих воспоминаниях: «Было очень утомительно выслушивать нескончаемые обсуждения научных и совершенно нежизнеспособных программ. Я всеми силами этого избегал, не потому, что занимал другую позицию, а потому, что по натуре никогда не был склонен к подобным занятиям. В тот момент меня меньше всего интересовали политические программы»⁴. А столичный адвокат Ф.Н. Плевако, «сознательно» вступая в политическую партию, в ответ на вопрос о знакомстве с ее программой откровенно отвечал: «Программа мне не интересна, это предисловие к книге. Кто его читает?...»⁵

Если программами не интересовались люди блестяще образованные и партийные, то чего же можно было ожидать от безграмотных и беспартийных крестьян, солдат и рабочих (тем паче от крестьянок, солдаток и работниц!), впервые призванных к участию в политике в условиях, когда «...каждая партия своих соседей ругает “буржуями”. Социал-демократы называют социалистов-революционеров буржуазной партией, социалисты-революционеры не признают настоящими социалистами ни народных социалистов, ни своих товарищей по партии, которые требуют войны до победы над немцами. Среди социал-демократов тоже междоусобие: большевики ругают меньшевиков буржуями, а меньшевики доказывают, что большевики – мелкобуржуазная партия»⁶?

Как обоснованно отметил крупнейший отечественный историк «психопатологии» «красной смуты» В.П. Булдаков, «если в смутные времена кто-то выигрывает, кто-то чаще бесповоротно – проигрывает, то из этого не следует, что восторжествовали чьи-то программные установки, ибо «в российской смуте все решает не формальный электорат, а неформализуемые движения души»⁷.

Если мы действительно хотим разгадать секрет популярности в народе тех или иных партий, необходимо анализировать не столько программные установки партий как средство борьбы за массы, сколько идеологическую и психологическую адекватность партий массовому сознанию, в структуре которого эмоцио-

нально-действенный уровень преобладает над рациональным⁸. Предметом изучения при этом становится не мифическая степень соответствия «объективным интересам электората» различных партийных проектов, а непосредственное отношение его к самим партиям, мифологизированный имидж которых складывается в народном сознании вне зависимости от недоступных ему доктринальных хитросплетений. В таком контексте конкретные результаты борьбы партий определялись в решающей степени тем, насколько резонировали идейно-ценностные, психологические и поведенческие векторы ведущих политических сил с доминантными установками массового сознания, ситуативно производного от архетипических характеристик русского народа. Поведение партии, желающей повести за собой народ, должно было соответствовать особенностям народной ментальности и учитывать механизмы массового сознания и поведения. Политический успех той или иной партии в условиях русской смуты определялся тем, насколько ее практическая деятельность отвечала психологии масс, насколько ее тактика корреспондировалась с их поведенческими стереотипами, насколько лозунги этой партии были понятны русскому мужику и согласованы с его базовыми мировоззренческими установками, а также со спецификой их преломления в толпе. Эффективность партийной пропаганды определялась в первую очередь не качеством выражения группового сознания, а способностью «цеплять» коллективное бессознательное.

Исходя из всего вышеизложенного, можно с уверенностью констатировать, что Конституционно-демократическая партия, в интересующее нас время скромно именующая себя не иначе как «Партия Народной Свободы», не имела никаких шансов на победу в борьбе за массы в условиях войны и смуты 1917 года, так как просто не имела ничего общего с самим народом и его пониманием «свободы». Кадеты вопиюще игнорировали абсолютное большинство населения России и демонстративно не желали считаться с его коллективной психологией. Не желая идти на уступки даже по самым боль-

ным вопросам массового сознания: о мире и земле, либералы непоправимо упустили время первоначального доверия и радужных ожиданий масс. Требуя от народа «жертвы и подвига», они ничего не предложили взамен, кроме «сладкого слова “свобода”». Да и не умели, и не хотели самозванные «борцы за народную свободу» разговаривать с народом на понятном ему языке. Все базовые ценности кабинетного либерализма вступали в явное противоречие с конкретными реалиями огромной империи, с ментальностью как российского крестьянства, так и не сильно отличавшихся от крестьян в социокультурном плане рабочих, и уж тем более ожесточенных и развращенных войной солдат. Если сопоставить основные идеологемы либеральной альтернативы и глубинные интенции масс, то характер их отношения можно обобщенно представить как систему бинарных оппозиций: *правовое государство и правый Государь (Конституция и Царь), закон и обычай, законопослушность и властобоязнь, собственность и антисобственничество, буржуазность и антибуржуазность, модернизированное общество и традиционное общество, буржуазное равенство как основа правового строя и социальный иерархизм как основа естественного порядка, индивидуализм и коллективизм, личность и соборность, демократия и авторитаризм, рыночная экономика и моральная экономика, протестантская трудовая этика и потребительская трудовая этика, социальная конкуренция и круговая порука, успешность и эгалитаризм, свобода как осознанная необходимость и свобода воли, мирный реформизм и насильственная инверсия, секулярность и религиозность, поюсторонность и эсхатологизм, умеренность и максимализм, компромисс и бескомпромиссность, проповедь солидарности и поиск врага... и т.д.*⁹

В экстремальных условиях либеральные ценности, навязываемые массам без органичного включения их в состав доступной народу «национальной идеи», а также без обеспечения их силой государства, не нашли поддержки со стороны массового сознания, в котором стали

доминировать экстремистские настроения и последовательно-негативное отношение к «буржуям». Элементарное непонимание массами смысла кадетских речей, усугубляемое «антибуржуйской» пропагандой остальных партий, способствовало тому, что бессознательно-доверчивое отношение народа сменилось жадной расправы, достигшей апогея к осени 1917 года, когда экстремистски настроенные толпы преследовали кадетов везде, где встречали. Бюллетени и записки с их кандидатами «торжествующе рвали в клочья», самим активистам ПНС обещали «выпустить кишки», а бывало, что и били прямо на избирательных участках избирательными же урнами¹⁰.

Не удивительно, что именно кадеты – эти «слепые поводыри» русской революции – были назначены всеми остальными партиями на роль «козла отпущения». Оторванные от масс, противоречащие этническому бессознательному русского народа, его архетипам, лишённые политической интуиции, духовно и властно дряблые, российские либералы не только не смогли занять в массовом сознании место свергнутого Царя-Батюшки, но и выставились в глазах народа самозванцами, шарлатанами и, наконец, повинными в смуте оборотнями. Закономерно, что вместе с фиктивной «демократией» «Партия Народной Свободы» была сметена народной стихией, оформленной большевизмом.

Не очень счастливой, но поучительной оказалась и судьба социал-демократов-меньшевиков. Члены этой партии принципиально отказались от ставки на стихию, от использования мощи народной психологии в целях захвата власти. Они не искали опоры в массовом сознании многомиллионного российского крестьянства, ибо, как выразился член ее ЦК Н.А. Рожков, «социал-демократия исходит из одного – из соображений интересов пролетариата», а если «крестьянство еще этого не понимает, мы не боимся разойтись тут с ним»¹¹. Более того, эта партия, считавшаяся «мозгом революционной демократии»¹², в условиях смуты 1917 года продолжала громогласно объявлять русское крестьянство «аморальным классом»¹³. Стоит ли недоумевать, отчего эта партия в народном

сознании сблизилась с «образом врага» и лишь немногим позже разделила историческую участь либералов и их место «у позорного столба истории»? Как удовлетворенно констатировали кадетские издания, «жизнь поставила социал-демократов меньшевиков и кадетов вплотную друг к другу – это две соседние партии по однородности некоторых пунктов программы, а главное – идеологии»¹⁴.

Ю.О. Мартов так объяснял свое неприятие большевизма: «Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране – бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей примириться с аракатеевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются... фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве»¹⁵. Но что же тогда предлагал разбушевавшейся русской стихии сам меньшевизм? Переехать в Европу? Или подождать до тех пор, пока «почва» сама собой из «азиатской» не превратится в более отвечающую «европейскому идеалу»?

Русские марксисты меньшевистского толка забыли завет Маркса, что именно в лице крестьянства «пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню»¹⁶. Но его, напротив, прекрасно помнил куда менее догматичный вождь большевизма. По его собственному признанию, он не желал уподобляться тем «горе-марксистам», о которых сам Маркс написал: «Я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»¹⁷.

Вступившие в коалицию с меньшевиками социалисты-революционеры, перейдя от погромной агитации «Земли и Воли» к попыткам решать вопросы государственного значения конституционным путем, быстро утратили контроль над народной стихией, ранее порожденной во многом именно их действиями. Как и следовало ожидать, противоречивые усилия эсеров примирить вышедшую из берегов стихию крестьянских и солдатско-крестьянских масс с необходимостью поэтапной конституционной реформы, которые, по ехидному выраже-

нию Ленина, напоминали попытки «усесться между двух стульев»¹⁸, оказались безуспешны – массы объективно взяли на вооружение большевистские рецепты немедленного решения наиболее острых проблем. Поняв, что проиграли массы ленинцам, неонародники, по их собственному запоздалому признанию, наивно пытались подорвать авторитет большевизма «обещаниями почти того же, что и он обещал, но только – чуть поменьше»¹⁹.

Противоречивость политики эсеров, усугубленная к тому же отсутствием единства внутри партии, на фоне повсеместного озлобления масс и разочарования их в легитимных процедурах привела к тому, что большевики, которые, напротив, последовательно поощряли рост массового насилия на аграрной (и не только) почве, сумели тактически обыграть неонародников и превратить крестьянство из источника сил эсеров в своего временного, но решающего «союзника», почерпнув, по признанию Ленина, «свой главный резерв из лагеря вчерашних союзников своего врага»²⁰. Перехватив у крестьянофильствующих конкурентов источник их силы, Ленин обезоружил тех надежнее, чем библейская Далила, остригшая Самсона. И подобно Самсону, эсеры заметили, что их могущество призрачно, только когда поражение стало уже очевидно...

Именно на массовое сознание сделала ставку в 1917 году только партия Ленина, выдвигавшая простые рецепты немедленного решения всех вопросов и демонстрировавшая готовность удовлетворить любые требования масс. Но большевизм не просто использовал известную на Руси с эпических времен «политическую платформу» Василия Буслаева: «Кто хочет пить и есть из готового, валися к Васье на широкий двор». Он оказался наиболее созвучен как негативным, так и позитивным установкам массового сознания: поискам «социальной справедливости» (подменившей идею универсальной *Правды*, которая есть и *Истина*, и *Справедливость*), традиционным методом управления и властвования насилием, здоровому пониманию жизни каждого человека как *Служения* великой целостности людей, монисти-

ческому стремлению к *Всеединству*, *Братству* всех людей, религиозно-эсхатологической устремленности к *Светлому Будущему*, идеям *Милости* к страдальцам-труженикам и искупительного *Мучения* для неправедных. В нем сочетались и иудеохристианское учение о «*двух Царствах*» и «*Мессии*», и неоиисламское представление о возможности заслужить рай искоренением неверных огнем и мечом. Большевизм объединил две главные формы народной утопии: легенду «*о далеких землях*» и легенду «*о царе-освободителе*», в учении о классовой борьбе был согласован с обычными (корпоративно-солидарными, общинными, моральными) представлениями о «*своих*» и «*чужих*», с внутренне присущей русской культуре антибуржуазностью и характерным для России «*странничеством*» (духовной потребностью не иметь града своего

и искать «града грядущего»). В известном смысле, «русский марксизм» совершил подмену Православия, объединил в себе «Запад» и «Восток» и стал квазирелигиозной базой для беспрецедентной модернизации, проведенной большевиками. Большевики стали в процессе разлива народной смуты в 1917 году гораздо больше, чем просто партией – для значительной части населения они превратились в единственную надежду, став в массовом сознании силой, способной прекратить смуту и предложить «Идею», созвучную «Традиции» (сумевшую подменить Самодержавие – Диктатурой, Православие – Коммунизмом, Народность – Партийностью), и восстановившей «распавшуюся связь времен» – сознание сопричастности Императиву. Тем самым были заложены духовные предпосылки воссоздания Империи в ее новом качестве.

Примечания

¹ См.: *Марченя П.П.* Крестьянство и империя в 1917 году: массовое сознание как фактор политической истории Октября // *Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века*. М., 2007. С. 168–179.

² Высказывание барона А. Фрейтаг-Лорингховена, цит. по: *Германия и русская революция 1917–1924*. М., 2004. С. 87.

³ *Лукьянов С.С.* Революция и власть // *В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России*. М., 1992. С. 279.

⁴ *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М., 2005. С. 37.

⁵ См.: *Российские либералы: кадеты и октябристы*. М., 1996. С. 253.

⁶ *Изгоев А.* Социалисты и крестьяне. Пг., 1917. С. 5.

⁷ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 203, 223.

⁸ См., напр.: *Ольшанский Д.В.* Психология масс. СПб., 2001. С. 20.

⁹ Подробнее см.: *Марченя П.П.* Массовое правосознание и победа большевизма в России. М., 2005.

¹⁰ См., напр.: Речь. Пг., 1917. № 228 (28 сент.); ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 165. Л. 74; Д. 167. Л. 45; Ф. 1796. Оп. 6. Д. 164. Л. 75–76.

¹¹ Рабочая газ. 1917. 25 авг.

¹² См.: *Мишлер В.И.* Революция в России, 1917–1918 гг. М., 1995. С. 41.

¹³ См., напр., речь А.Н. Потресова на Всероссийском объединенном съезде РСДРП // РГА СПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.

¹⁴ Волжский день. 1917. 24 мая.

¹⁵ Цит. по: *Политические деятели России 1917: биограф. словарь*. М., 1993. С. 207.

¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 607.

¹⁷ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 181.

¹⁸ *Там же*. Т. 38. С. 137.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 39. Л. 120.

²⁰ *Ленин В.И.* Указ. соч. Т. 12. С. 34.

Marchenya Pavel

**PARTIES' IDEOLOGEMS IN MASS CONSCIOUSNESS OF «DEMOCRATIC» RUSSIA:
POWER AND MASSES FROM FEBRUARY TO OCTOBER 1917**

The article dispels the myth about the existence of the democratic alternative to the Bolshevism. The problem of interaction and mutual influence of political parties and masses takes center stage. Comparative analysis of parties' ideologems and the traditional Imperial idea leads to conclusions about Bolshevism's historical continuity. Mass consciousness is regarded as a dominant in political history and as social and cultural foundation of Bolsheviks' victory in the contest of historical utopias from February to October.

Контактная информация:

e-mail: marchenyap@mail.ru, marchenyap@gmail.com

Рецензент – *Ершова Э.Б.*, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления (Москва)